

Турецкий «таран» в действии Комментарий Центра АРВАК, 21.06.2024

08.06.2024 министерство образования Турции утвердило новую программу по изучению истории в школах страны, соответствующую разработанной властями идеологической концепции «Век Турции». Согласно замыслу, в учебных заведениях будет осуществлен постепенный переход от преподавания истории, ориентированного на *«передачу знаний»*, к преподаванию предмета, направленному на воспитание *«навыков исторического мышления»*.

Тем самым, в учебный план внесли концептуальные изменения и нововведения. Изменения касались терминов и понятий, *«исторически и научно некорректных»* с точки зрения турецких специалистов, разработавших новую программу. В частности, в этом контексте выражение *«Средняя Азия»* (*«Центральная Азия»*) будет заменено на термин *«Туркестан»*, который, якобы, является исконным историческим названием этой территории.

По случаю утверждения программы турецкая газета *«Ени Шафак»* выступила с пространной статьей, в которой назвала инициативу *«обдуманном, выверенным шагом, соответствующим духу и велению времени»*. Согласно изданию, если Индия в период наблюдаемого эпохального политико-экономического подъема стремится вновь обрести свое историческое название – Бхарат, и если Россия вырабатывает новую доктрину, основанную на традициях и истории, взамен той, где страна долгое время считала себя неотъемлемой частью Европы, то почему Турция тоже не должна встать на путь переосмысления своего пути и обретения достойного места на историко-цивилизационной карте мира? *«Ени Шафак»* считает, что Турция идет *«в направлении осознания своих корней, обучения нового поколения своей славной истории с пониманием реалий и с использованием исторических названий»*. Она ссылается на разработчиков учебной программы, со слов которых ее целью является строительство моста между днем сегодняшним и будущим: *«Важно объяснить новому поколению, что сегодняшний мир имеет свои корни в прошлом, и, с другой стороны, осознать, что исторические события создают будущее»*.

Примечательно, что утверждение государственной учебной программы было неоднозначно воспринято в самом турецком обществе и СМИ. Прозвучали даже мнения, согласно которым инициатива была предпринята *«назло»* России, либо вскрыла планы отхода Турции от доктрины европоцентризма. В свою очередь защитники инициативы в Турции, не отрицая тесную привязку учебной программы к новым внешнеполитическим императивным целям страны, подчеркивают, что заявленные цели не предполагают действий *«назло»* кому-либо, а вытекают из необходимости разработки новой *«турецкоцентристской»* доктрины. Она же, якобы, диктует более объемное осмысление исторического прошлого турецкого этноса и государственности, нисходящие своими корнями в обширный регион от Европы и до Алтая. А значит, грядущие поколения Турции *«имеют все основания для того чтобы укреплять присутствие турецкого фактора там, где формировалась и откуда питалась культурно-цивилизационная идентичность турецкого народа»*.

«Ени Шафак» утверждает, что новая доктрина Турции вместе со встроенной в ее идеологическую платформу учебной программой выражает нынешние «прочные» позиции государства на мировой арене, а с другой стороны – является попыткой объединения (примирения) поляризованных мнений внутри страны, внедрения новой «всеобъемлющей» (инклюзивной) концепции взамен действующей «взаимоисключающей», очень популярной в академических кругах. Речь идет о противоречиях в турецком обществе между сторонниками «османского наследия» и защитниками идей кемализма, первые из которых придерживаются главенства религиозной идентичности турок, а последние отстаивают идею светскости и секуляризма турецкого государства. Разрабатываемая же правительством идеологическая концепция преподносится в качестве некоего подобия «третьего пути», направленного на выход из рамок «местечкового» восприятия турецкого фактора и на осознание более обширной его роли в контексте развития общемировой истории. В этом свете, согласно авторам научно-учебной инициативы, *«основное внимание в нынешней программе уделяется национальным и духовным ценностям, основанным на вкладе нации в развитие человечества, и проявляющим чувствительность в защите и сохранении общего наследия человечества»*. Это, в свою очередь, предполагает наиболее глубокое изучение вопросов формирования «тюркского суперэтнуса», простирающегося от «Туркистана» до Европы, развития тюрко-исламской цивилизации в области науки, культуры, образования и искусства, тюркизации Анатолии сельджуками и османами, основания современной Турции и достижений страны в нынешних реалиях.

Тем самым, официальная пропаганда Анкары придерживается линии, согласно которой укрепившаяся роль страны на мировой арене объективно обязывает ее обратить взоры на обширные регионы Евразии основываясь на историческом праве участия Турции в жизни родственных народов и государств, на нынешней территории которых формировалась общетюркская идентичность. Вместе с тем, учебная программа, призванная укрепить в сознании новых поколений эту повестку, якобы, *«никоим образом не направлена на кого-то извне, а является частью образовательного процесса и формирования более тесных связей с тюркским миром»*.

Следует заметить, что нынешняя кардинальная реформа учебной программы не является исключительным опытом в образовательной системе современной Турции. Еще в 2017 г. общеобразовательные программы страны подверглись тотальному редактированию (около 100 тыс. поправок), в результате которых ученикам вместо дарвиновской теории эволюции, стала преподноситься в качестве научной концепции библейско-кораническая версия происхождения человека. Тогда турецкое общество неоднозначно восприняло реформу, а наиболее непримиримые ее противники характеризовали инициативу как залог *«возвращения турецкого народа к средневековому мракобесию и исламизации»*. Изучение Корана, реабилитация понятия «джихад» и концептуальное восприятие ислама, как единственно правильной системы познания мира, теперь уже стали нормой для турецких школ, сколько бы режим Р. Эрдогана ни открещивался от обвинений в уничтожении

светского образования, основы которого были заложены со времен создания республики Кемалем Ататюрком.

Сегодня же, по происшествии нескольких лет, образовательная программа Турции вновь вынуждена претерпеть ощутимую трансформацию в связи с зарождением новой политической доктрины Турции, нацеленной на геополитическое освоение обширных регионов Евразии. Ради справедливости следует отметить, что едва ли рассматриваемые новшества вызовут ощутимую негативную реакцию масс, поскольку, в отличие от идей тотальной исламизации страны, поиск национальной идентичности в парадигме «тюркоцентризма» – весьма популярная идея как среди граждан среднего возраста, так и, особенно, молодого поколения.

Турецкое общество достаточно отягощено заложенной на ранних этапах правления Эрдогана полу-клерикальной моделью государственного строительства, особенно на фоне связанных с «Арабской весной» событий на Ближнем Востоке, в результате которых миллионы исламских беженцев наводнили страну, а само турецкое государство ввязалось в различные конфликты и союзы с различными радикальными группировками исламистского толка. С другой стороны, в турецком обществе закрепилось убеждение, что ислам не в состоянии объединить все этнические группы страны и что, в частности, проблема «курдского сепаратизма» не поддается решению на базе конфессиональной общности двух этносов – турецкого и курдского. Тем самым, неразрешимый «курдский вопрос» также стал одним из триггеров роста волны националистских настроений в среде «титულიной нации» Турции, одним из проявлений которой стал рост интереса политических элит этой страны к расширению поиска базовых основ «тюркских корней» турецкой идентичности.

В сущности, процесс формирования так называемой «тюркоцентристской» идеологической концепции в разных своих проявлениях никогда не прерывался в Турции. Пантюркизм и пантуранизм всегда имели своих ярких последователей даже в эпоху кемализма, официально маргинализировавшего эти течения. Программные идеи Энвера, Зии Гекальпа, Халиде Эдиб Адывар, Мамед-Эмина Расулзаде, а вместе с ними и других эмигрантов-тюркоцентристов из России, всегда присутствовали в среде националистических группировок в составе политических элит страны и в обширных общественных пластах, с надеждой на наступление «*новых времен*» и эпохи очередного переустройства мирового порядка.

Принято считать, что стартом к практическому воплощению идеологической доктрины пантюркизма в политическую концепцию стало заявление президента Т. Озала в 1991 г. о «*наступлении столетия Турции*». Речь была приурочена к развалу СССР и подразумевала наступление периода реанимации идеологической доктрины. На начальной стадии роль распространения идей тюркоцентризма была возложена на националистические партии Турции, ультраправые организации и курируемые спецслужбами «*неполитизированные общественно-культурные структуры*», проводящие активную работу по «*просвещению*» как в самой Турции так и на пространстве «тюркского мира» (Южный Кавказ, Средняя Азия, регионы России). В дальнейшем государство стали постепенно подключаться к процессу на официальном

уровне и в политической плоскости («Совет сотрудничества тюркских государств, впоследствии переименованный в «Организацию тюркских государств», «Фонд тюркской культуры и наследия» и т. д.).

В 20-летний период правления Р. Эрдогана концепция «тюркоцентризма» обрела все атрибуты государственной идеологии, хотя на ранних этапах Анкара изучала альтернативные пути удовлетворения своих геополитических амбиций, выросших как в следствии экономического бума в стране, так и в результате переформатирования геополитических раскладов на Евразийском континенте и в мире в целом (новой виток противостояния РФ–США, тенденции к формированию многополярного мира, «Арабская весна», противоречия между США и КНР и т. д.). Политические элиты Турции «экспериментировали» с философско-идеологическими концепциями европоцентризма, неосманского ревизионизма, исламоцентризма и тюркоцентризма. Вместе с тем, наблюдались попытки (их признаки есть до сих пор) синкретизировать все эти разнонаправленные векторы, по каждому из которых Р. Эрдоган неоднократно высказывался как о принимаемым им концептуальном приоритете. Однако попытки свести в целостную систему все амбициозные проекты по идентификации роли и места Турции в историко-цивилизационной ткани современности и сообразному выстраиванию геополитической доктрины страны, не нашли отклика ни на международных подмостках, ни в самой стране, раздираемой противоречиями и не обладающей ресурсами для столь претенциозных планов.

Европейское сообщество не воспринимает Турцию своей частью. Турецкие амбиции лидерства в исламском мире вызывают раздражение арабского мира и шиитского сообщества, негативно воспринимаются и американо-израильским тандемом, имеющим свои собственное видение Переднего Востока.

Обретение пространства для реализации геополитического роста и самоутверждения в качестве возрождающейся державы является для Турции сложной задачей, в процессе решения которой методом исключения один за другим выпадают концепции, не выдерживающие экзамен жизнеспособности в сложившихся геополитических реалиях. Исходя из анализа этих процессов можно предположить, что единственно жизнеспособным вектором реализации известного девиза «*Век Турции*» для Анкары остается тюркоцентристская доктрина, отвечающая как запросам по укреплению геополитического веса Турции, ее военно-политического и экономического роста, так и обретению историко-цивилизационной идентичности, проблема которой всегда сопутствовала турецкой государственности со времен захвата Византии и порабощения Халифата.

Следует отметить, что концентрация Анкары на концепции тюркоцентризма, в доктринальном плане ведущей к реализации идей пантюркизма и пантуранизма, также вытекает из интересов ее западных союзников, видящих Турцию в роли тарана, сокрушающего пространство стратегических интересов РФ и КНР на всей протяженности от Южного Кавказа до Саян. Комплексные шаги Анкары по использованию десятилетиями своей «мягкой силы» в Средней Азии и российском Поволжье в сочетании с политикой Запада по постепенному отводу среднеазиатских республик от российского внешнеполитического вектора и пробуждению

националистических настроений в указанном обширном регионе, способствовали созданию условий для дальнейшего проникновения Турции в сердце Евразийского континента.

Независимо от попыток Анкары развивать разнонаправленные идеи неоосманизма и панисламизма на протяжении двух последних десятилетий, идея тюркоцентризма стабильно поддерживалась государственными институтами страны и постоянно «обрастала» все новыми структурными звеньями и планами. Изначально созданный на платформе культурно-языковой общности аполитичный «Тюркский совет» (2009 г.), постепенно превратился в интеграционную политическую структуру «Совет сотрудничества тюркских государств» (октябрь 2021-го), что было закреплено в совместном заявлении стран членов организации на саммите в Стамбуле. В рамках деятельности организации были разработаны многочисленные финансово-экономические программы взаимодействия, предполагающие создание совместных фондов и банковских структур, упрощение таможенных процедур и снижение пошлин, стимуляцию инвестиционных программ и оборот капитала. Согласование позиций по различным вопросам международной повестки между странами-членами «Сотрудничества» стало обычной практикой. Наконец, в рамках организации была запущена в оборот концепция «Армии Турана», – проект, о котором, по понятным причинам, предпочитается мало говорить, однако работы по осуществлению которого, судя по всему, сейчас идут полным ходом.

В этом ряду утверждение новой учебной программы в Турции не выглядит сенсационной инициативой или односторонним шагом Анкары. Концепция нового взгляда на историю «тюркского пространства» и переосмысление его прошлого и настоящего заложена в «кейс обязательств» всех стран-членов организации. Эти обязательства предполагают выработку единой призмы осмысления исторических событий, идентичную терминологию, схожие географические названия и имена исторических личностей. Не случайно, что в эти дни в турецкой прессе в контексте обсуждения новой учебной программы можно встретить призывы к «*братским тюркским странам*» со своей стороны ускорить процесс кардинальных реформ в научно-образовательных программах. В этом свете следует отметить еще один фундаментальный шаг, который Турция ожидает от некоторых среднеазиатских республик, и который довершит процесс базовой интеграции стран «Организации тюркского сотрудничества». Речь идет о замене кириллического алфавита на латиницу, на которую, к примеру, Казахстан обязался перейти уже к исходу 2025 г.

В широком обзоре интеграционных процессов между Турцией и родственными ей республиками постсоветского пространства новая образовательная программа является лишь частью нарастающего взаимодействия, однако весьма существенной и выполняющей роль раствора, скрепляющего всю интеграционную структуру. Поколения по обе стороны Каспийского моря, возвращенные и воспитанные в единой трактовке и понимании исторического прошлого и событий действительности, могут претендовать в будущем на более амбициозные планы единения, нежели синкретический союз суверенных тюркских республик. Это и является конечной мечтой пантюранистов, верящих, что в рыхлом многообразии тюркских этносов от

Дальнего Востока до Балкан, во время своей многовековой истории претерпевших влияние китайской, славянской, персидской и европейской цивилизаций, все же возможно нахождение и пробуждение элементов, способствующих синтетическому, а не только синкретическому единению тюркского фактора, предполагающему создание обширной паназиатской супердержавы.

Возможно, эти мечты даже в настоящий момент выглядят лишенными рациональной составляющей, однако с другой стороны – всего лишь четверть века назад едва ли можно было спрогнозировать скорость и масштабы проникновения Турции в политико-цивилизационную жизнь среднеазиатских стран и не только их. На самом деле изучение массы материалов позволяет составить картину куда более обширного охвата интересов тюркоцентристской концепции и ощутимых успехов ее проводников за рамками географического пространства Средней Азии. К слову, следует отметить, что термин «Туркестан», введенный в новую турецкую учебную программу вместо понятия «Средняя Азия», подразумевает географическое пространство, намного более обширное, чем собственно территории среднеазиатских республик. И это должно стать дополнительным стимулом для определенных размышлений политиков в РФ и КНР. На самом деле, идеологи и технологи доктрины тюркского единения в долгосрочной перспективе рассматривают идею «освоения» Южного Кавказа и Средней Азии как промежуточных целей на пути к более амбициозным планам по массовому пробуждению националистических настроений в самой России – в Поволжье, на Урале, в Северном Кавказе, Алтае и т.д. И абсолютно не исключено, что эти долгосрочные планы могут быть форсированы в связи с затянувшейся войной на Украине и достаточно слабой прогнозируемостью ее геополитических итогов.

Еще 12.03.2024 Центр АРВАК опубликовал материал под заголовком «Основной и отвлекающий удары в противостоянии Запада и [России](#)», в котором было изложено мнение о стратегическом просчете Москвы, допустившей усиление турецкого фактора на Южном Кавказе в результате поражения Армении в 44-дневной войне за Нагорный Карабах. В контексте большой геополитической игры РФ посчитала рациональным уступить Азербайджану Турции (Шушинская декларация от 15 июня 2021-го) в обмен на невмешательство Анкары в украинскую войну. Суть же просчета заключалась в том, что западный фронт борьбы стал отвлекающим ударом натовской коалиции по РФ посредством Украины, призванным сковать ее действия на Южном Кавказе и истощить ресурсы, тогда как основная ставка заведомо была сделана Вашингтоном, Лондоном и Брюсселем на «турецкий таран», пока еще в размеренном режиме пробивающим себе путь в Среднюю Азию вдоль южного подбрюшья России. Однако интенсивность и характер этих «ударов» может поменяться в любой момент.

Уже сегодня, сверяя факты и данные из множества открытых источников, можно констатировать, что экспансия Турции на жизненно важном для России пространстве уже именуемом в турецких научно-образовательных программах «Туркестаном», есть свершающаяся реальность.

Она является воплощением полуторавековой мечты тюркских ультранационалистов и упорной работы западных технологических центров, умело

направляющих экспансионистские амбиции Турции в русло глобальной борьбы натовского альянса за демонтаж России как мировой державы.

В связи с этим нельзя не отметить факт банкротства гумилевско-дугинской политфилософской концепции «евразийского (славяно-тюркского) цивилизационного союза» на фоне того, как Турция окончательно и бесповоротно взяла уже на вооружение доктрину своего собственного корифея политфилософии – систематизатора и вдохновителя программы пантюркизма и пантуранизма Зии Гекальпа, прозванного «могильщиком российской державности».